

DOI:

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ Б. ПЛЕЧКЕ И ОСЕТИНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Туаллагов Алан Ахсарович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом археологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

Статья посвящена анализу этнографических материалов исследования Б. Плечке «Чеченцы». Актуальность исследования определяется фиксацией за счет аутентичных наблюдений различных сторон материальной и духовной культуры чеченского народа, которые еще не были подвергнуты кардинальной трансформации. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот обширного массива материалов по историко-культурному наследию осетинского народа, которые ранее либо лишь кратко упоминались отечественными учеными, либо оставались вовсе неизвестными. Целью статьи является пополнение источниковой базы по проблемам историко-культурного наследия осетинского народа за счет представленных в работе Б. Плечке данных. В процессе работы применялись методы текстуального исследования при соблюдении принципов конкретности, историографической традиции и системности изложения. В ходе изучения материалов, собранных Б. Плечке, выделяются его антропологические наблюдения, которые пополняют данные по осетинскому этносу и ставят, в отличие от его предшественников, вопрос о дифференцирующих подходах. Сопоставительные данные по традиционным трехногим столикам сегодня представляются гораздо шире и имеют возможность определения их происхождения. Отмечаются также параллели с иными образцами материальной культуры осетин, которые оставались вне поля зрения этнографов. Особое внимание привлекает описание методов лечения головной боли у чеченцев, частично сопоставимые с таковыми и у других кавказских народов. В то же время они более подробно описывают мануальные и иные воздействия с указанием на сопоставимый «обычай» у осетин. Данное краткое замечание значительно расширяет наши представления о соответствующих способах лечения, которые до сих пор не известны исследователям либо кратко ограничиваются отдельным элементом. В целом собранные Б. Плечке материалы подтверждают и другие наблюдения, что общая среда обитания и тесные взаимные контакты вырабатывали во многом сходные общественные и культурные явления и черты у народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Бруно Плечке, этнография, материальная и духовная культура, чечено-осетинские параллели.

Для цитирования: Туаллагов А.А. Материалы исследования Б. Плечке и осетинская этнография // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 27(34). С. 172-188.
DOI:

Введение

Неоценимый вклад в изучение истории и культуры народов Северного Кавказа внесли многие иностранные специалисты и путешественники, посещавшие регион в период, когда традиционный уклад жизни этих народов еще не был подвергнут кардинальной трансформации. Собранные ими материалы и составленные наблюдения до сегодняшнего дня являются ценной источниковой базой для научного анализа современных специалистов. Однако некоторые из них, как ни парадоксально, не получили своей широкой известности в научных кругах, прежде всего у отечественных специалистов, обладающих несомненным приоритетом и компетенцией в изучении культурного прошлого народов региона.

Одним из таких источников является работа немецкого географа и этнографа Бруно Плечке [1], основанная на личных полевых наблюдениях в ходе его двух поездок на Кавказ (1918–1920 гг., 1927–1928 гг.) и фиксирующая, в частности, различные аспекты материальной и духовной культуры чеченского народа в период Гражданской войны и последовавших советских преобразований. Недавно в свет вышел перевод всей работы на русский язык [2], что, как представляется, имеет и более широкое значение в условиях возрастающего интереса общественности к вопросам историко-культурного наследия народов нашей страны. Видимо, знаковым является выход работы именно в 2026 г., который провозглашен Годом единства народов России. Помимо собственно научного интереса, издание привлекательно для широкого круга читателей благодаря корпусу сопровождающих его исторических справок, комментариев и примечаний.

Научным редактором и автором вводной части, комментариев и примечаний издания выступил научный сотрудник КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН и АН ЧР С.М. Демелханов. В вводной части [2, 5–26] представлена биография Б. Плечке, позволяющая ознакомиться со страницами его становления как человека и ученого и, что особенно важно, понять ту историческую обстановку, в которой он действовал. Ее освещение автором введения через конкретику событий, развернувшихся тогда в Чечне и в целом на Северном Кавказе, надо полагать, вызовет закономерный интерес у ученых и широкого круга читателей. Особое внимание С.М. Демелханов обоснованно уделяет одному из пяти и наиболее пространному разделу книги Б. Плечке, посвященному этнографическим материалам. В этой части введения приводятся сопоставительные данные из работ различных исследователей по проблемам башенного строительства, фиксации петроглифов, справедливо акцентируется внимание на интересных методах

чеченцев лечения головной боли. Само исследование Б. Плечке сопровождается примечаниями, представляющими скрупулезно выверенными биографическими, историческими и иными справками и верифицирующими замечаниями, современными географическими данными, включающими корректные топонимические, что немаловажно, когда приходится порой регулярно встречать у современных автором искаженные формы, взятые из давних публикаций, что оставляет о себе неприятное впечатление. Причем, такой подход в определенной мере служит продолжением подхода самого Б. Плечке.

Основная часть

Следует особо отметить, несмотря на то, что работа Б. Плечке посвящена конкретно чеченским материалам, она может служить источником новых данных и для изучения традиционной культуры других северокавказских народов, в том числе осетин. Северокавказский регион издревле являлся полиэтничным и поликультурным, когда общая среда обитания и тесные взаимные контакты вырабатывали во многом сходные общественные и культурные явления и черты, и даже определенные антропологические характеристики. Так, наблюдения Б. Плечке по антропологии чеченцев, дающие различные примеры [2, 75–84], напоминают порой противоречивые свидетельства об антропологическом типе осетин.

В то же время замечание о значительном числе светловолосых детей, темнеющих с возрастом, может соотноситься и с аналогичными наблюдениями за осетинами. Примечательно и замечание, что «...физиономия осетина, его выражение лица имеет гораздо больше сходства с европейцами, чем у чеченцев и ингушей. Когда я жил у осетин во Владикавказе, у этих светловолосых людей меня смущало только слышать чуждую для меня речь; мне казалось, что я разговариваю с немцами...» [2, 85]. Свое впечатление Б. Плечке предположительно объяснял принадлежностью большинства осетин к христианству и более широкому распространению среди них университетского образования, что, конечно, сложно принять. Вместе с тем определение исследователем различных антропологических типов у чеченцев свидетельствует о более глубоком проникновении в данную проблематику, по сравнению с его предшественниками, касавшимися ее в отношении осетин.

Но впечатление исследователя удивительно напоминает наблюдение В.Ф. Миллера в отношении жителей Стур Дигоры в Осетии: «В этой глуши, вдали от административных центров, сохранился тип дигорца в чистом виде... Вы видите на каждом шагу чисто индоевропейские типы, действительно, как еще заметил Гакстгаузен ([3, 118] – А.Т.), напоминающие немецкие. Когда утром наша комната по обыкновению наполнилась народом, я подумал, что сижу где-нибудь в южной Германии в сельской Кнеipe. Блондины преобладают. Встречаются даже рыжие. В своих серых войлочных

широкополюх шляпах (худ – нем. Hut), с трубочками в зубах, с несколько прищуренными глазами, с крупными, правильными, довольно толстыми носами – особенно два старика – до обмана воображения походили на немецких крестьян» [4, 368–369].

В свидетельстве В.Ф. Миллера привлекает внимание и упоминание осетинских войлочных широкополюх шапок, обычно имевших невысокую круглую тулью и различной величины поля. Подобные шляпы конкретно известны у адыгских народов, балкарцев и карачаевцев, хотя некоторые исследователи указывали на их использование всеми народами Северного Кавказа в качестве рабочего головного убора, отмечая изменчивость их форм и со временем [5, 114, рис. 15, 3а, 3б, 119–120]. У осетин такие шляпы являлись продуктом домашнего производства, почему некоторые различия форм тульи и полей зависело от использовавшихся колодок, личных предпочтений и манеры ношения. Б. Плечке отмечает такую шляпу, хоть и редко носимую, и у чеченцев [2, 171], названия которой поясняется в редакторском примечании – *блэгиган куй*, *исхаран куй*, *мангалан куй* (войлочная шляпа, суконная шляпа, шляпа косарей – А.Т.). Сведения подтверждаются сегодня наблюдениями за одеждой ингушей [6, 60–61] и кистин. Панкисские кистины часто называли ее *хлурий куй* – «осетинская шляпа» [7, 284].

Исследователи полагали происхождение осетинской «войлочной шляпы» – осет.-ирон. *нымæтхуд* от подшлемников, у которых не было полей. В связи с этим обращалось внимание и на другое название шляпы – осет.-ирон. *бинаг худ*, осет.-дигор. *буйнаг ходæ* – «нижняя шляпа», которую отличали от широкополюх «шляпы пастухов» – *фыййауы худ*. При этом полагалось забвение форм шляп без полей [8, 138]. Другие исследователи и *фыййауы худ* трактовали как подшлемники, чьи широкие поля рассматривались как дополнение или замещение бармицы [9, 141].

Следует отметить, что название *нымæтхуд* (*нымæтгонхуд*) / *нимæтходæ* прилагается, в целом, к войлочным шляпам вне зависимости от их форм, что относится и к *бинаг худ* / *буйнаг ходæ*. В дигорском диалекте *нимæт*, в первую очередь, означает «бурка», а затем «войлок». Собственно «войлок» представлен в осет.-дигор. *буйнаг* (*буйнæ*) в значении «войлок (нижний)» (для подстилки), в отличие от «верхнего» для бурки – *уæйлаг нимæт*. Соответствует такому положению и осет.-ирон. *бинаг*, осет.-дигор. *буйнаг* – «войлочный ковер», осет.-ирон. *бинагкаг* – «материал для войлочного ковра, самый край», что может определять изначальную семантику как производство подстилочного материала, а не специализированного для подшлемника. Значение «войлок», например, представлено в осет.-дигор. *буйнаг æхсæ* – «войлочная плетель», чему соответствует осет.-ирон. *нымæт ехс*, что дополняет осторожности к принятию толкования для подшлемника. Утверждение о забвении форм шляп без полей ничем не

подтверждается и само по себе не может служить неким аргументом.

Собственно, войлок всегда имел широкое применение. Например, использовался в качестве подкладки (прокладки) для различных частей костюма. Такой подкладочный материал, на который нашивались металлические украшения, для самих шапок (женских) отмечен в средневековых горных погребениях Северной Осетии. Войлок мог служить каркасом для различных форм шапок, обшивавшихся и материей.

Наличие шапок без полей, например, с округлым верхом и меховой опушкой зафиксировано путешественниками для осетинского костюма конца XVIII в. [10]. Подобные шапки известны и у многих других народов, включая кавказские, не давая повода относить их происхождение к подшлемникам. Они в качестве детских шапок известны еще по материалам раннесредневековых погребений.

Возводился к подшлемникам и кълпакъ в значении «войлочная шляпа» для шляп с высокой колпакообразной тульей и узкими полями у балкарцев и карачаевцев, без упоминания своих предшественников и с трактовкой в пользу тюркского происхождения, ссылающейся, в частности, на половецкие образцы [11, 65–66], хотя те к подшлемникам не имели никакого отношения. Исследователи сближали карачаево-балкарские образцы со сванскими, происхождение которых также связывали с подшлемниками. При этом указывалось, что в результате свано-балкаро-карачаевских контактов у балкарцев и карачаевцев выработалась своя форма войлочных шляп, вобравшая в себя черты сванских и балкаро-карачаевских.

Такие шляпы были известны и в Осетии, особенно в Дигории, находившейся в тесных связях с Балкарией. Шляпы же типа фыййауы худ, отмечаемые у карачаевцев как осетинского происхождения, возводили к древней эпохе кочевнического быта, указывая на семантическое родство их номинаций, представляющей взаимную алано-тюркскую лингвистическую кальку в значении «войлочная шляпа» [12, 367–369]. У кабардинцев также фиксируются подобные шляпы, но почему-то не учитываются [13, 289, 290] их аналогии. Видимо, этот тип шляп визуально определялся как «лопух» для ингушей [6, 60] и карачаевцев [12, 368]. Подобные шляпы в XX в. появились и у абхазов, но показательно считались у них чужими.

Сложно сказать, какие данные лежат в трактовке происхождения формы фыййауы худ, которая, кроме общего удобства при ношении летом, могла использоваться как подстилка для сидения. Сложенная некоторым образом она применялась для зачерпывания воды, когда человек хотел пить. Что касается номинации «войлочная шляпа» – нымæтхуд, то она лежит и в чеченском *беглиган куй*, и в грузинском *набдис куди*. Сванские войлочные шапки в Грузии известны как *сванис куди*, тогда как сами сваны называют их *набдиш паку* – «войлочная шапка» [12, 416–417].

Заметим, что отнесение сванских шапок изначально к подшлемникам

дополняется сегодня утверждением о связи маленьких войлочных кахетинских (тушинских) шапочек и имеретинских *папанаки* – к подмисюрникам (мисюрка – металлический шлем с навершием и кольчужной бармицей – А.Т.), для вторых из которых, как отмечено выше, предлагается и осетинская *фыййауы* худ, что само по себе указывает на всю условность трактовки генезиса заметно различных форм головных уборов. Утверждение дополняется мнением, что известные на Кавказе «ночные шапки», обычно использовавшиеся стариками, также восходят к подшлемникам, остававшимся на голове воина и ночью, чтобы в любой момент быть готовым к бою [14, 144–145].

Другие исследователи полагали, что, скорее, войлочные шляпы были заимствованы рядом народов Центрального и Западного Предкавказья у монголов [15, 138]. Особенно важно для нас, что изображение такого монгольского образца усматривают на фресках северной стены Нузальской церкви (Северная Осетия) второй половины, скорее, конца XIV в., входящего в монгольский костюм представителя осетинской знати [16, 210, 228, рис. 16, 2, 231, рис. 19, 5], носящего традиционное осетинское имя – Фидар(ос). Здесь же представлен, как полагают, и половецкий колпак [16, 210, 228, рис. 16, 1, 231, рис. 19, 6] на другой представительнице осетинской знати, одетой в итальянский костюм и держащей на руках ребенка, также носящего традиционное осетинское имя – Сослан.

Осетинские войлочные шляпы, несомненно, испытали на себе влияние инокультурных образцов, а выработка их различных форм имела долгую собственную историю. Для установления связи происхождения осетинских войлочных шляп именно с подшлемниками (предполагая забвение форм без полей, т. е. шапок) сегодня нет должных оснований, что оставляет этот вопрос в области предположений. Изготовление войлочных головных уборов было известно с давних времен многим народам разного этнического происхождения, в том числе Кавказа, где происходили и тесные этнокультурные контакты на протяжении долгого времени. Стоит также отметить, что нам известны шлемообразные головные уборы из ранне-средневековых аланских погребений, а сами находки в них шлемов очень редки. Столь же редки упоминания шлемов у алан в письменных источниках, что добавляет сложности для принятия однозначных решений.

В материалах Б. Плечке привлекает к себе внимание описание и изображение чеченских невысоких трехногих столиков с круглой столешницей, которые использовались при посещении гостей. Отмечалось и наличие образцов с вогнутой столешницей, что справедливо сопоставлялось с формой чаши как первоначальной, а также отверстий на нижнем конце ножек, для которых предполагалось продевание кожаных ремней для подвешивания. Параллелью столикам Б. Плечке называл столики сванов, что позволило ему допустить существование таких образцов у народов,

проживавших на территориях между чеченцами и сванами, а также указывал на материалы Балкан и Центральной Азии [2, 158–159].

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что такие столики были в употреблении у многих народов, а отмеченные дальние им параллели только недавно были замечены исследователями. Образцы, в частности, с различной глубиной вогнутости столешниц многократно отмечены среди осетинских материалов. Такие столики в прошлом также выполняли функцию жертвенников. Они же указывают на хранение столиков в подвешенном положении, но с продеванием петли через отверстия в краю столешницы, когда ножки были съемными. Наиболее древние образцы таких столиков, подтверждающие способ их хранения и токарный способ производства, в северокавказском регионе известны, например, в раннесредневековых аланских погребениях [17].

Кроме столиков, Б. Плечке обратил внимание [2, 160] на деревянные большие тарелки с небольшим «ковшиком» посередине, которые вытачивались из одного куска дерева, а также на медные образцы с припаянными «ковшиками» (в оригинале *Napf* [1, 96] – «миска, чашка, чаша» – А.Т.). Не тарелки, но те же трехногие столики у осетин имели варианты с выточенной из одного куска дерева столешницей с чашей посередине, что находит параллели среди столиков у аварцев. Чаша могла изготавливаться из меди и плотно крепиться в центре столешницы. Другим вариантом у осетин было вырезание посреди столешницы небольшого углубления [17, 29–43; 18, 90–91].

Б. Плечке описывает специальные чеченские чувяки для горных походов со сплетенными из ремешков подошвами – *хулчи* [2, 172]. Такая обувь *æрчи* / *æркъи* известна и у осетин. Ее, например, изготовленную из козьей шкуры мехом наружу (в оригинале *erge* – А.Т.), отмечал у осетин-дигорцев А.М. Шёгрэн. Кроме того, исследователь фиксировал отдельно привязывавшиеся к подошве снегоступы [19, 258], называя их «*атхалапта*» (осет.-дигор. *æтхæлæнтæ*, осет.-ирон. *митдзæуæнтæ* / *митдзæуæн къæлæнтæ* – А.Т.). Такие снегоступы, иногда сегодня фигурирующие в публикациях как лыжи особой формы, представляли собой почти круглый деревянный обод, перевязанный внизу крест-накрест широкими ремнями из шерсти [19, 258]. Их отдельное применение осетинами представляется более практичным, исходя из отмеченных Б. Плечке недостатков при использовании только *хулчи*. О давности использования снегоступов на Северном Кавказе свидетельствует Феофан Исповедник, отмечая их (*κικλόποδες*) у алан в событиях начала VIII в. [20, 274]. Для передвижения по обледенелым и покатым склонам Б. Плечке отмечал крепление к подошве железного кольца с двумя парами шипов [2, 172]. Подобные приспособления овальной или крестообразной форм использовались и осетинами – *лæгцæфхæдтæ* – «подковы для мужчин».

Б. Плечке обратил внимание [2, 172–173] на «снегоступы» (в оригинале *Schneeschuhen* [1, 106] – «лыжи» – А.Т.), которые использовались только детьми для забав. Исследователь, учитывая и название («салаз»), предполагал их заимствование от русских. Заметим, что аналогичные лыжи *къахдзаныгътæ / къæхдзæнттæ*, использовавшиеся не только детьми, но и взрослыми, известны и у осетин. Такой знаток осетинской этнографии, как художник М. С. Туганов, изобразил их на взрослых мужчинах, спускающихся с горы [21, 313–314].

Интересно, что в примечании редактора в отношении названия «салаз» указывается [2, 173, прим. 1] на чечен. *салаз* – «нижняя челюсть», позволяющее полагать собственно чеченское название для лыж. В осет.-ирон. «*къахдзаныгътæ*», во второй части представлено осет.-ирон. *дзаныгъ*, имеющее значение «сани» (осет.-дигор. *цонæгъ*), а также «челюсть». С другой стороны, осет. *æфсæр / æфсæрæ* – «челюсть» имеет значение «полоз», что представлено в соответствующих названиях осет.-ирон. *дзаныджы æфсæртæ*, осет.-дигор. *æфсæрæ* – «полозья саней».

Следует обратить внимание на важные этимологические наблюдения в отношении соответствующего круга осетинской лексики. Отмечаемое при этом соотношение названия предмета по форме с анатомическим термином [22, 397–398, 481–482] может оказаться и более глубоким. Если отнестись к сопоставлению с позиции остеологических материалов и предмета, использующегося для скольжения в зимний период, то обращает на себя внимание находка в аланской катакомбе из кургана № 23 могильника Октябрьский I (Моздокский район, Северная Осетия) конца III – начала IV в. н. э. коньков, сделанных из задних метаподий правых ног двух домашних лошадей [23, 59–93].

Приводимые Б. Плечке данные об интересных методах лечения головной боли у чеченцев [2, 84–86] не находят параллелей в письменных источниках и научных исследованиях у осетин. Обычно исследователи отмечали приемы осетинской лечебной магии – использование настойки из головного мозга белки, а при сглазе – произношение над больным заклинания с бросанием в миску с водой двух раскаленных углей [24, 240]. Также привязывали ко лбу зеленую лягушку и держали, пока не погибнет, что имеет параллели у адыгских народов [25, 87], перевязывали голову медвежьим жиром (у ингушей, например, использовали курдючный жир или соль [26, 368, 369] – А.Т.), чесноком с солью и стручковым перцем. Лекари накладывали на лоб бумагу, написав непонятные слова, и через три дня сжигали, выражаясь нецензурной бранью (у черкесов подобно лечили с помощью «дыхъэ» – запиской с текстом из Корана, вложенной в сафьяновый мешочек – А.Т.), или растягивали уши, пока не затрещат.

Считая головную боль результатом «плохой крови», применяли кровопускание, используя специальный «ланцет» и, плотно прижав к вене

рог с маленькой дырочкой внизу, выпускали кровь. Чтобы рог плотно прижимался, внутри его зажигали спичку или «свечку». С помощью белой палочки определяли изменение цвета крови, ориентируясь на которое, прекращали кровопускание, а рану закрывали воском [27, 96–97; 28, 471]. К кровопусканию при головной боли прибегали и лекари у других кавказских народов [25, 104–105; 29, 72–73; 30, 44, 67; 7, 449; 31, 104–105 и др.]. Для нормализации давления осетины также использовали отвары из различных растений или через специальную трубочку вдыхали газ серной воды [27, 97–98].

В одной из публикаций, со ссылкой на И. Бларамберга, утверждалось, что при головной боли осетины «...плотно завязывают платком лоб и не снимают повязки до тех пор, пока головная боль не пройдет» [32, 440]. Но в действительности у И. Бларамберга речь шла о лечении головной боли у черкесов [33, 160], что ранее отмечал и С. Броневский [34, 148]. Современные исследователи указывали, что головную боль, связываемую с сотрясением мозга, объясняемым расхождением швов черепа, осетины лечили путем измерения черепа веревкой для определения стороны его деформации. После чего соответственно стягивали голову с помощью палочки тугой повязкой [27, 99–100], в которую могли втыкать швейные иголки [35, 20], что диктовалось представлениями лечебной магии. Аналогичные манипуляции производились и лекарями других кавказских народов [25, 105–106; 31, 105].

В описании Б. Плечке лечения головной боли или при плохом самочувствии у чеченцев, которое остается вне поля зрения современных исследователей [30, 44–45; 7, 449], представлены более подробные мануальные воздействия на голову и другие части тела больного, а также определенные упражнения. Данная методика объяснялась избыточным давлением крови, от которого расходились швы черепа. Успех лечения определялся с помощью измерений черепа ниткой или соломинкой. Следует полагать, что данный способ входит в круг указанных выше и у других народов.

Для черкесов фиксировалось применение распаривания головы особым раствором и ее небольшой массаж [25, 105–106]. Такой способ отмечен, видимо, и у осетин, отличаясь несколько иным составом раствора. Указывалось, что лечение головной боли, служившее отдельной специализацией лекарей, обычно начиналось в среду утром и продолжалось в течение трех дней. Выбор дня недели усматривали в его почитании в христианской традиции [29, 74], что осталось без аргументации.

Чеченский способ, описанный Б. Плечке, более сконцентрирован на мануальном воздействии, которое представляется более сложным, чем, например, фиксировалось у ингушей [6, 129]. Но для нас особенно важно указание автора, что «тот же обычай существует и у осетин, как я узнал во Владикавказе» [2, 86]. Таким образом, мы получаем более подробную

картину способов лечения головной боли у осетин, чем ту, которую до сих пор кратко упоминали ученые, что входило в противоречие и с семейной практикой автора настоящей статьи.

Несомненно, исследователи найдут на страницах труда Б. Плечке и другие сопоставимые материалы в культурах других кавказских народов. Но, прежде всего, заинтересованным специалистам и широкому кругу читателей предоставляется прекрасная возможность ознакомиться со многими прошлыми образцами материальной и духовной культуры чеченского народа. До сих пор в публикациях отечественных исследователей мы имели только краткие упоминания отдельных материалов и наблюдений Б. Плечке. Следует надеяться, что перевод на русский язык всего его труда, сопровождающийся корпусом современных научных комментариев и примечаний, позволит более активно и полно привлекать содержащиеся на его страницах материалы. Немаловажно, что труд немецкого исследователя Б. Плечке, которого до сих пор даже в отечественных публикациях почему-то называют австрийцем, являет пример научно добросовестных, выверенных, в необходимых случаях даже осторожных, наблюдений и выводов. Сам труд Б. Плечке характеризуется доброжелательным отношением к чеченскому народу, его истории и культуре, что должно являться неременным условием научной деятельности и любого современного этнографа, посвящающего себя изучению того или иного народа.

Заключение

Изучение материалов, собранных Б. Плечке и представленных сегодня в переводе на русский язык с обширным корпусом научных комментариев и примечаний, составленных научным сотрудником КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН и АН ЧР С.М. Демелхановым, как представляется, позволяет с большим основанием обратиться к анализу различных сторон культурного наследия народов северокавказского региона. Представленный в настоящей статье частный пример такого анализа для осетинских материалов позволяет, как минимум, внести дополнительные данные или отметить проблемные вопросы, включающие историко-этнографические и историко-археологические наблюдения.

В работе Б. Плечке выделяются его антропологические наблюдения. Они дополняют данные по осетинскому этносу и ставят, в отличие от его предшественников, вопрос о дифференцирующих подходах. Сопоставительные данные по традиционным трехногим столикам сегодня представляются гораздо шире и имеют возможность определения их происхождения. Выделяются параллели с иными образцами материальной культуры осетин, которые остаются вне поля зрения этнографов. Вопрос с ареалом распространения войлочных шляп у народов региона не только оказывается расширен, но, как представляется, может актуализировать проблему

генезиса соответствующих мужских головных уборов. Особое внимание привлекает описание методов лечения головной боли у чеченцев, частью сопоставимых с таковыми и у других кавказских народов. В то же время они более подробно описывают мануальные и иные воздействия с указанием на аналогичный «обычай» у осетин, что значительно расширяет представления о соответствующих способах лечения, которые до сих пор неизвестны исследователям.

1. *Plaetschke B.* Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927/28 // Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Universität Königsberg Pr. Heft XI / Herausgegeben von Dr. Arved Schultz. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co. m. b. H., 1929. XI+116 s. (на немец. яз.).

2. *Плечке Бруно.* Чеченцы. Исследования по этнографии Северо-Восточного Кавказа на основании путешествий 1918–1920 и 1927–1928 гг.; введ., комм. и прим. С.М. Демелханов. Нальчик: ООО «Фрегат», 2026. 220 с.

3. *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб.: В типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. Ч. II. IV+215 с.

4. *Миллер В.Ф.* В горах Осетии. Владикавказ: Алания, 2007. 536 с.

5. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.

6. *Мартирозиан Г.К.* Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк. Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. 150 с.

7. 30. *Алироев И.Ю., Маргошвили Л.Ю.* Кистины. М.: Книга и бизнес, 2006. 482 с.

8. *Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали: Ирыстон, 1985. 288 с.

9. *Сланов А.А.* Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 400 с.

10. Народы, живущие между Каспийским и Черным морями (Альбом). СПб.: Издание Общества Поощрения Художников, 1822. Тетрадь III. [2] с.+[30] илл.

11. *Будаев М.Н.* Очерки истории одежды народов Северного Кавказа. М.: ТЕЗАУРУС, 2012. 168 с.

12. *Уарзиати В.С.* Избранные труды: Этнология, Культурология. Семиотика. Владикавказ: Абета, 2018. Т. II. 640 с.

13. *Дмитриев В.А.* Одежда в XIX–XX веках // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. М.: Наука, 2022. С. 281–305.

14. *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в костюме народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 129–154.

15. *Горелик М.В.* Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.). Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2008. С. 136–140.

16. *Горелик М.В.* Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2010. Вып. 11. С. 207–231.

17. *Туаллагов А.А.* Аланские и осетинские трехногие столики // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 36 (75). С. 29–46. DOI: 10.46698/q8987-1073-1706-и

18. *Туаллагов А.А.* О некоторых археолого-этнографических параллелях // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ: СОИГСИ, 2017. С. 39–122.

19. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн: Исследования. Тексты / отв. ред. М.И. Исаев. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 952 с.

20. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

21. *Канукова З.В.* Къахдзонагътæ / дæрæгули [Лыжи] // Осетинская этнографическая энциклопедия / гл. ред. А.Л. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 313–314.

22. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.

23. *Кадзаева З.П., Малашев В.Ю.* Костяные коньки из погребения раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 2. С. 59–93. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.4>

24. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 711 с.

25. *Тхагапсова Г.Г.* Народная медицина адыгов (историко-этнографический очерк). Майкоп: Адыгея, 1996. 157 с.

26. *Дзарахова З.М.-Т.* Народная медицина // Ингуши. М.: Наука, 2013. С. 363–364.

27. Джабиев З.П. Терминология народной медицины в осетинском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975. 183 с.
28. Олисаев В.М., Олисаев В.В. Традиционная народно-медицинская практика // Осетины / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М.: Наука, 2012. С. 462–477.
29. Аликова З.Р. Народная медицина Северного Кавказа (древнейший период – начало XX века). Владикавказ: Проект-Пресс, 2000. 152 с.
30. Батаев Х.М., Хаджиева А.Ж., Яхъяева З.И. Народная медицина Северо-Восточного Кавказа на примере Чеченской республики. Пятигорск: РИ-А-КМВ, 2006. 164 с.
31. Текеева Л.К. Отражение традиционных представлений в этномедицине тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 104–107.
32. Харебов Б.К. Сæры рыст (Головные боли) // Осетинская этнографическая энциклопедия / гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 440.
33. Иоганн Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. М.: Издательство Надыршин, 2010. 400 с.
34. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: В Типографии С. Селивановского, 1823. Ч. 2. IX+465 с.
35. Тотров В.К. Советы народной медицины. Владикавказ: Алания, 1992. 258 с.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026,
принята к публикации 18.08.2026,
опубликована 30.09.2026.

Tuallagov, Alan A. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Archeology, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies named after V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS(Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

RESEARCH MATERIALS OF B. PLECHKE AND OSSETIAN ETHNOGRAPHY.

Keywords: Bruno Plechke, ethnography, material and spiritual culture, Chechen-Ossetian parallels.

The article is devoted to the analysis of the ethnographic materials of B. Plechke's research «Chechens». The relevance of research lies in its authentic observations of various aspects of the material and spiritual culture of the Chechen people, which have not yet undergone radical transformation. The study's novelty lies in its provision of a wide range of materials on the historical and cultural

heritage of this people, which have previously been only briefly mentioned by Russian scholars or were completely unknown to them. The purpose of this article is to expand the source base on the historical and cultural heritage of the Ossetian people using the data presented in B. Plechke's work. In the course of the study the methods of textual research were used, while adhering to the principles of concreteness, historiographical tradition, and systematic presentation. In the course of studying the materials collected by B. Plechke, his anthropological observations stand out, which supplement the data on the Ossetian ethnic group and, unlike his predecessors, raise the question of differentiated approaches. Comparative data on traditional tripod tables now appear much broader and allow for the determination of their origins. There are also parallels with other examples of Ossetian material culture that have remained outside the field of view of ethnographers. Special attention is drawn to the description of methods for treating headaches among the Chechens, which are partially comparable to those among other Caucasian peoples. At the same time, they describe manual and other treatments in more detail, pointing out a comparable «custom» among the Ossetians. This brief remark significantly expands our understanding of relevant treatment methods that are still unknown to researchers or limited to a single element. In general, the materials collected by B. Plechke confirm other observations that a common habitat and close mutual contacts developed largely similar social and cultural phenomena and traits among the peoples of the North Caucasus.

For citation: Tuallagov A.A. Research materials of B. Plechke and Ossetian ethnography. KAVKAZ-FORUM. 2026, iss. 27 (34), pp. 172-188. (in Russian). DOI:

REFERENCES

1. Plaetschke, B. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927/28. Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Universität Königsberg Pr. Heft XI. Herausgegeben von Dr. Arved Schultz. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co. m. b. H., 1929. XI+116 p. (In German).
2. Plechke, B. *Chechentsy. Issledovaniya po etnografii Severo-Vostochnogo Kavkaza na osnovanii puteshestvii 1918–1920 i 1927–1928 gg.* [The Chechens. Studies on the Ethnography of the Northeastern Caucasus Based on Travels in 1918–1920 and 1927–1928]. Nalchik, Fregat, 2026. 220 p.
3. Gakstgauzen, A. *Zakavkazskii krai. Zametki o semeinoi i obshchestvennoi zhizni i otnosheniyakh narodov, obitayushchikh mezhdru Chernym i Kaspiiskim moryami* [The Transcaucasian Region. Notes on the Family and Social Life and Relations of the Peoples Inhabiting between the Black and Caspian Seas]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo Shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po Voenno-Uchebnym Zavedeniyam, 1857, part II. IV+215 p.

4. Miller, V.F. *V gorakh Osetii* [In the Mountains of Ossetia]. Vladikavkaz, Alaniya, 2007. 536 p.
5. Studenetskaya, E.N. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII–XX vv.* [Clothing of the Peoples of the North Caucasus. 18th–20th Centuries]. Moscow, Nauka, 1989. 288 p.
6. Martirosian, G.K. *Nagornaya Ingushetiya. Sotsial'no-ekonomicheskii ocherk* [Mountainous Ingushetia. A Socio-Economic Essay]. Vladikavkaz, Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoi Oblasti Ingushii, 1928. 150 p.
7. Aliroev, I.Yu., Margoshvili, L.Yu. *Kistiny* [The Kists]. Moscow, Kniga i biznes, 2006. 482 p.
8. Chochiev, A.R. *Ocherki istorii sotsial'noi kul'tury osetin (traditsii kochevnichestva i osedlosti v sotsial'noi kul'ture osetin)* [Essays on the History of the Social Culture of the Ossetians (Traditions of Nomadism and Settlement in the Social Culture of the Ossetians)]. Tskhinvali, Iryston, 1985. 288 p.
9. Slanov, A.A. *Voennoe delo alan I–XV vv.* [Military Affairs of the Alans in the 1st–15th Centuries]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007. 400 p.
10. *Narody, zhivushchie mezhdu Kaspiiskim i Chernym moryami (Al'bom)* [Peoples Living between the Caspian and Black Seas (Album)]. St. Petersburg, Izdanie Obshchestva Pooshchreniya Khudozhnikov, 1822, notebook III. [2] p.+[30] ill.
11. Budaev, M.N. *Ocherki istorii odezhdy narodov Severnogo Kavkaza* [Essays on the History of Clothing of the Peoples of the North Caucasus]. Moscow, TEZAVRUS, 2012. 168 p.
12. Uarziaty, V.S. *Izbrannye trudy. Etnologiya, Kul'turologiya. Semiotika* [Selected Works. Ethnology, Cultural Studies. Semiotics]. Vladikavkaz, Abeta, 2018, vol. II. 640 p.
13. Dmitriev, V.A. *Odezhda v XIX–XX vekakh* [Clothing in the 19th–20th Centuries]. Abazov, A.Kh., Anchabadze, Yu.D., Kushkhabiev, A.V., Pashtova, M.M. (eds.). *Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [The Adyghe: Adygheans. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. Moscow, Nauka, 2022, pp. 281–305.
14. Dode, Z.V. *Platok i khidzhab. Papakha i chalma. O natsional'nykh i konfessional'nykh traditsiyakh v kostyume narodov Severnogo Kavkaza* [Shawl and Hijab. Papakha and Turban. On National and Confessional Traditions in the Costume of the Peoples of the North Caucasus]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2013, no. 4, pp. 129–154.
15. Gorelik, M.V. *Alanskii voinskii kompleks zolotoordynskogo vremeni* [Alan Military Complex of the Golden Horde Period]. *Otazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territorii. Yubileinye XXV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza (Vladikavkaz, 21–25 aprelya 2008 g.). Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi*

konferentsii [Reflection of Civilizational Processes in the Archaeological Cultures of the North Caucasus and Adjacent Territories. The 25th Anniversary «Krupnov Readings» on the Archaeology of the North Caucasus (Vladikavkaz, April 21–25, 2008). Abstracts of the International Scientific Conference]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2008, pp. 136–140.

16. Gorelik, M.V. *Zolotoordynskii kostyum Kavkaza (vtoraya polovina XIII–XIV vv.)* [Golden Horde Costume of the Caucasus (Second Half of the 13th–14th Centuries)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus]. Armavir, Center for Archaeological Research of the Armavir State Pedagogical University, 2010, iss. 11, pp. 207–231.

17. Tuallagov, A.A. *Alanskie i osetinskie trekhnoгие stoliki* [Alan and Ossetian Three-Legged Tables]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2020, iss. 36 (75), pp. 29–46. DOI: 10.46698/q8987-1073-1706-u

18. Tuallagov, A.A. *O nekotorykh arkheologo-etnograficheskikh parallelyakh* [On Some Archaeological and Ethnographic Parallels]. *ALANICA. Sbornik izbrannykh statei doktora istoricheskikh nauk A.A. Tuallagova. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya* [ALANICA. Collection of Selected Articles by Doctor of Historical Sciences A.A. Tuallagov. To the 50th Anniversary of His Birth]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017, pp. 39–122.

19. Isaev, M.I. (ed.) *Osnovopolozhnik rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya akademik Andrei Mikhailovich Shögren. Issledovaniya. Teksty* [The Founder of Russian Academic Caucasian Studies, Academician Andrei Mikhailovich Shögren. Research. Texts]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2010. 952 p.

20. Alemany, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in Ancient and Medieval Written Sources]. Moscow, Menedzher, 2003. 608 p.

21. Kanukova, Z.V. *K»akhdzonyg»tæ/dæræguli (Lyzhi)* [Skis]. Chibirov, A.L. (ed.). *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya* [Ossetian Ethnographic Encyclopedia]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2013, pp. 313–314.

22. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1958, vol. I. 655 p.

23. Kadzaeva, Z.P., Malashev, V.Yu. *Kostyanye kon'ki iz pogrebeniya rannego etapa alanskoi kul'tury Severnogo Kavkaza* [Bone Skates from a Burial of the Early Stage of the Alan Culture of the North Caucasus]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin]. 2024, vol. 23, no. 2, pp. 59–93. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.4>

24. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Moscow, ROSSPEN, 2008. 711 p.

25. Tkhagapsova, G.G. *Narodnaya meditsina adygov (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Folk Medicine of the Adyghees (Historical-Ethnographic Essay)]. Maikop, Adygeya, 1996. 157 p.
26. Dzarakhova, Z.M.-T. *Narodnaya meditsina* [Folk Medicine]. *Ingushi* [The Ingushes]. Moscow, Nauka, 2013, pp. 363–364.
27. Dzhabiev, Z.P. *Terminologiya narodnoi meditsiny v osetinskom yazyke* [Terminology of Folk Medicine in the Ossetian Language]. Thesis of the candidate dissertation (in Philology). Tbilisi, 1975. 183 p.
28. Olisaev, V.M., Olisaev, V.V. *Traditsionnaya narodno-meditsinskaya praktika* [Traditional Folk Medical Practice]. Tishkov, V.A., Cheshko, S.V. (eds.). *Osetiny* [The Ossetians]. Moscow, Nauka, 2012, pp. 462–477.
29. Alikova, Z.R. *Narodnaya meditsina Severnogo Kavkaza (drevneishii period – nachalo XX veka)* [Folk Medicine of the North Caucasus (Ancient Period – Early 20th Century)]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2000. 152 p.
30. Bataev, Kh.M., Khadzhieva, A.Zh., Yakhyayeva, Z.I. *Narodnaya meditsina Severo-Vostochnogo Kavkaza na primere Chchenskoi respubliki* [Folk Medicine of the Northeastern Caucasus on the Example of the Chechen Republic]. Pyatigorsk, RIA-KMV, 2006. 164 p.
31. Tekeeva, L.K. *Otazhenie traditsionnykh predstavlenii v etnomeditsine tyurkoyazychnykh narodov Severnogo Kavkaza* [Reflection of Traditional Ideas in the Ethnomedicine of the Turkic-Speaking Peoples of the North Caucasus]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2013, no. 369, pp. 104–107.
32. Kharrebov, B.K. *Golovnye boli* [Headaches]. Chibirov, L.A. (ed.). *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya* [Ossetian Ethnographic Encyclopedia]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2013, p. 440.
33. Blaramberg, I. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, Topographical, Statistical, Ethnographical and Military Description of the Caucasus]. Moscow, Izdatel'stvo Nadirshin, 2010. 400 p.
34. Bronevskii, S. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The Newest Geographical and Historical News about the Caucasus]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo, 1823, part 2. IX+465 p.
35. Totrov, V.K. *Sovety narodnoi meditsiny* [Advice of Folk Medicine]. Vladikavkaz, Alaniya, 1992. 258 p.

The article was submitted 03.04.2026,
accepted for publication on 18.08.2026,
published 30.09.2026.